

ВАРЯГ

Варяг
Место для битвы
Князь
Герой

Язычник
Княжья Русь
Государь
Богатырь
Обережник
Княжий человек
Княжий посол

Александр
МАЗИН

ВАРАГ
БОГАТЫРЬ

Москва
2018

УДК 821.161.1-312.9
ББК 84(2Рос=Рус)6-44
М13

Разработка серийного оформления *Андрея Саукова*
Иллюстрация на обложке *Валерия Петелина*

Мазин, Александр Владимирович.

М13 Варяг. Богатырь / Александр Мазин. — Москва :
Эксмо, 2018. — 480 с.

ISBN 978-5-04-097492-4

Время легенд. Время героев. Великий князь Владимир Святославович. Креститель. Государь. Кесарь. Равных ему не было и не будет и тысячу лет спустя. И многие сотни лет после его кончины народ созданного Владимиром Государства Русь будет мечтать о возвращении прошлого. О мире, где правит Государь Красное Солнышко, а верные ему богатыри надежно хранят границы Руси.

Стрела, угодившая в позвоночник, лишила Илью Годуна, приемного сына князь-воеводы Сергея, славного будущего. У него отнялись ноги. Одна стрела — и четырнадцатилетний воин превратился в беспомощного калеку. Но Илья не сдался. Он сумел понять: не ноги делают воина воином, а истинный воинский дух, который не сокрушить даже смерти.

УДК 821.161.1-312.9
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

© Мазин А., 2018

© Оформление. ООО «Издательство
«Эксмо», 2018

ISBN 978-5-04-097492-4

— Дичины набили, девок тож...

— Девок набили? — ухмыльнулся Вальгар Барсучонок, сотник из природных варягов. — Это вы зря. Хошь, научу тебя, Крутояр, как с девками обходиться следует?

Глаза сотника Крутояра недобро сузились:

— Да я...

Артём положил руку ему на плечо, останавливая ссору, показал кивком головы на топчущегося с той стороны стола отрока.

— Чего хотел, Узень? — недовольно проворчал Крутояр, уставившись на своего подначального. — Говори, не мнись, как дев... тьфу, как теля!

Узень, здоровенный хмурый дружинник лет двадцати, пробасил мрачно:

— Не к тебе дело, сотник, князя хочу спросить.

— Спрашивай, — разрешил Артём.

Ему стало любопытно. Узень — дружинник из местных. «Достался» князю вместе с уличским уделом и напрямую обращался к нему впервые.

— О брате твоём спросить хочу, — буркнул Узень. — Почему он, княже, мое место за столом занял? Обидно это!

— Думаю, он не знал, что это место — твоё, — заметил Артём. — Попроси его — и он подвинется.

— А если он не захочет?

Артём бросил взгляд на ту часть, где разместились отроки. Илья устроился на самом «верхнем» краю стола младшей дружины. Ведал он или нет, что занял чужое место, но если и ведал, то это его точно не беспокоило. Уплетал за обе щеки и ничуть не смущался, что раза в полтора мельче своих соседей по столу.

— Не захочет, говоришь? — Артём перевел взгляд на Узня. — Ну так попробуй принудить.

— Но он — твой брат, княже!

— И что? Если это место твоё, значит — твоё. Ты отрок или девка теремная? Я должен утирать тебе сопلي каждый раз, когда тебя обидают? Тогда тебе не за моим столом место, а вон там, — уличный князь кивнул в сторону «женского» стола.

— Значит, можно? — Выражение незаслуженной обиды, только что преобладавшее на квадратном, обрамленном короткой русой бородкой лице Узня, сменилось предвкушающе-агрессивным. — Благодарю, княже!

И отрок вразвалочку двинул к скамье, на которой, среди прочих уличских отроков достоин-

ством повыше, угощался от княжьих щедрот Илья, Серегеев сын.

— Не зашибет? — поинтересовался княжий сотник Крутояр, провожая взглядом широкую спину отрока Узня.

— Он — мой брат. — Артём усмехнулся. — А моему брату негоже за чужой спиной прятаться. Это его должны уважать, а не меня.

— А он сумеет? — усомнился Крутояр. — Узень-то осерчал. А в гневе он — несдержан, уж я-то знаю.

— Знаешь, — согласился Артём. — Он ведь из твоей сотни. Но Илья — мой брат, — еще раз повторил уличский князь. — Я не стану утирать ему сопли. Да он и не позволит. А Узень осерчал потому, что думает, будто в своем праве.

— А разве — нет? — спросил Крутояр. — Это ведь его место.

— С чего ты взял? — осведомился Лузгай, командир лучшей сотни Артёма, сидевший по правую руку от князя. — Это княжий стол. И места за ним — все как есть княжки. И мы с тобой тоже княжки. Станешь спорить?

— Нет, не стану. Но если мой отрок обидит...

— Довольно! — оборвал его Артём. — Да, согласен, Илья против Узня маловат, так и я, Крутояр, росточком не вышел. А кто в этой трапезной против меня устоит?

— Я бы попробовал! — тут же заявил сидевший рядом с Лузгаем хузарин Борх. — Только — конно.

— Попробуешь, — пообещал Артём. — Но не сегодня. И не со мной, а с Ильей. А я погляжу, чему братишку твою и мои родичи прошлым летом обучили. А теперь помолчим. И посмотрим.

Отрок Узень остановился за спиной ничего не подозревающего Ильи и хлопнул парня по плечу.

От увесистого удара Илья покачнулся, расплескав мед, поставил чашу, обернулся...

За княжьим столом не услышали, что именно сказал Илье Узень — в трапезной было довольно шумно. Однако по ухмылочкам соседних Илье гридней и по вмиг закаменевшему лицу Ильи становилось понятно: сказано что-то весьма обидное.

Губы княжьего брата шевельнулись, он взял чашу и протянул ее Узню.

Тот чаши не принял. Выкрикнул что-то, махнул рукой, намереваясь выбить чашу из десницы Ильи... И промахнулся. Зато не промахнулся Илья. Чаша с горячим медом выплеснулась Узню в лицо.

Пока отрок протирал глаза, Илья тоже успел ему что-то сказать. И, надо полагать, не извинение, потому что липкие пальцы уличского отрока едва не вцепились в стриженные кружком пшеничные волосы Ильи. Однако тот не дался — нырнул под стол. Это был единственный способ уклониться, ведь по обе стороны от Ильи сидели пле-

чистые уличские дружинники, и не подумавшие подвинуться.

Нырнуть под стол — не самый славный путь, но Илья там задержался недолго. Извернулся, проскользнул под скамьей, вынырнул справа от разъяренного Узня и, раньше чем тот успел что-то предпринять, подпер отроку подбородок лезвием его собственного засапожника.

В трапезной к этому мигу уже оборвались все разговоры, а многие дружинники даже повскакивали с мест, чтобы лучше видеть. Так что сказанное Ильей смогли услышать даже в тридцати шагах, за княжеским столом.

— Надо тебе кровь пустить за такие слова! — выкрикнул Илья. — Но ты, не знаю, как тебя звать, — в дружине моего брата, и вежеству тебя учить — его забота! Когда я сам стану князем, то уж постараюсь, чтобы мои отроки были — не тебе чета и крепко помнили, что, оскорбляя моих гостей или родичей, они оскорбляют меня! А уж таких неуклюжих и криворуких, как ты, я даже в дворовые холопы не возьму!

— А ведь он прав, брат твой, — негромко произнес Лузгай. — Гнать надо Узня. Я в отроках лучше б себе горло перерезал, чем такое слушать. А он, вишь, стоит не шелохнется.

— В бою он не трусил! — вступился за дружинника Крутояр.

— Воин, который выбирает, когда ему трусить, а когда храбриться? Ха! — развеселился Борх.

— Нет, Свенельдич, так не бывает, — поддержал хузарина Лузгай. — Ты или хоробр, или раб.

— Илья! — прервал Артём философский спор старшей гриди. — Отпусти его, Илья! И верни нож. А ты, Узень, — бегом сюда!

— Крутояр. — Уличский князь повернулся к соратнику. — Это твой человек. Накажи его сам. А потом убери его с моих глаз и с моей земли.

— За что, княже? — не выдержал Узень. — Ты же сам позволил! Я — в своем праве! Против своего слова идешь!

Крутояр, не вставая, метнул кинжал, которым резал мясо. Серебряное навершие рукояти ударило отрока в зубы. И тут же вскочившие гридни схватили Узня, поставили на колени, оттянули голову назад. Кивнет князь — и перережут горло своему выкашливающему кровь и зубное крошево соратнику. Бывшему соратнику, обвинившему батюку-князя в клятвопреступлении.

— Брат! Да ну его! Он же дурачок! Прости! Ну его к лешему!

Артём перевел взгляд на Илью, спросил строго:

— Ты его пожалел, значит, и я — должен?

Илья смутился, а взор уличского князя вновь обратился к провинившемуся дружиннику.

— Мой младший брат юн, — сказал он, — а потому добр. Но ради него буду добрым и я. Тебе, из-

гой, будет подарено право умереть не овцой, а воином. От клинка того из моих гридней, на кого укажешь. Отпустите его!

Узень поднялся с колен, сплюнул на пол кровавый сгусток. Действительно, дурень. Взял и вдобавок ко всему еще и дом, и тех, кто в нем живет, оскорбил. И сам не понял, что оскорбил, хотя обычай ведал.

— Пощади меня, кн... мой господин! Отпусти!

Артём скривился, как от кислой ягоды. Узень больше не его человек. Но был им. А значит, он, князь уличский, взял в дружину неподходящего человека. Еще б Узень, аки смерд, снова на колени бухнулся...

— Крутояр, — брезгливо процедил Артём. — Не здесь, во дворе.

Сотник понял. Вытянул из ножен лежавший на лавке меч, кивнул гридням...

И Узень понял, что выбора у него нет, и наконец повел себя как воин.

Меча при нем не было (отрокам на пиру, за столом, — не положено), но на полу лежал Крутояров кинжал. Вот его-то Узень и подхватил. Шуйцей выхватил из кармашка засапожник и приготовился умереть.

В поединке с сотником у него не было ни малейшей надежды, даже будь у Узня меч, а у Крутояра — засапожник.

Сотник неторопливо обогнул стол и — стремительный выпад, а затем падение тела. Оглушенный «плоским» ударом Узень завалился навзничь.

— Во двор его, — скомандовал Крутояр. — Очухается — пятьдесят плетей и прочь из города!

Беспамятного Узня выволокли из трапезной.

Артём одобрительно кивнул. Настроение его улучшилось. Все же не овцой оказался Узень. Зубки-то показал.

Однако в дружине уличского князя ему уже не было места.

А вот подобранному Артёмом когда-то смердьему сыну Гошке, которого теперь зовут Ильей, — есть. Но служить Илье лучше в Киеве. К батюшке поближе. И к столу великокнязьему.

— Что смотришь обиженно? — бросил он названному брату. — Это и есть княжья доля: знать, когда надо карать, а когда можно и помиловать. Когда-нибудь и тебе придется.

— Тогда я не хочу быть князем, — мрачно проговорил Илья.

— А кем хочешь? — Артём скрыл улыбку в густых варяжских усах.

— Воином буду, — заявил Илья. — Великим хобром. Тем, кто славу стяжает, убивая врагов, а не казня своих!

Будь на месте Ильи кто-то из Артёмовой дружины, не избежать бы ему наказания. Но к родне

уличный князь был снисходителен. Потому что — любил.

Еще он мог бы напомнить, что наказывает сейчас не он, а Крутояр, и не своего дружинника, а изгоя, но сказал иначе:

— Свои, брат, могут быть опаснее самых страшных врагов. Если вдруг окажутся такими, как этот. Иди и ешь впрок. Завтра у тебя будет трудный день. В поход пойдете. Вот он, — кивок в сторону Борха, — согласился лично проверить, как тебя научили у его родича Машега.

— О! — Обрадованный Илья моментально забыл об Узне и о неприятных обязанностях князя. — Правда? Вот здорово! В Дикое Поле пойдём? Копченных бить?

— Кого найдем, того и побьем, брат Илья, — пообещал Борх. — Время нынче хорошее — в поле разбойников на всех хватит...

Часть первая

КАЛЕКА

Глава 1

*Моров. Илья Годун,
названный сын князь-воеводы Серегея*

Илья открыл глаза. Над ним — тот же постылый потолок. И вместо ног — уже привычная пустота.

Сон. Из прошлого. Год назад это было. Будто вечность минула. Вечность — с той поры, как он был человеком. Воином.

Разбудили Илью звуки снаружи. Людей, коней, железа... Большой отряд, копий на тридцать, не меньше.

Батя приехал.

Дверь в комнату распахнулась. Нагнувшись, чтобы не зацепить головой притолоку, в спальню вошел князь-воевода моровский Серегей.

— Здравия, сынок! — пробасил он. — Не ждал?

— Не ждал, батюшка, — проговорил Илья равнодушно.

Даже не пошевелился. Как лежал, так и остался лежать, глядя, как роятся под потолком мухи.

— Ты б хоть привстал, что ли, сын? — с укоризной произнес Духарев.

Илья вздохнул, уперся руками, поднял тулово, прислонился к пахнущей свежим деревом (дом всего неделю назад как достроили) стене.

— Испей с дороги, господин! — Босая девка, появившаяся из клетки, подала Сергею Ивановичу ковшик с пивом. — Холодненькое, с ледника!

Духарев с удовольствием опростал ковшик, отер усы рушником, ущипнул девку за ягодицу и подмигнул названному сыну.

Илья не отреагировал. Ни на девку, ни на подмигивание. Что ему теперь девки...

— Эх, сынок, сынок... — Духарев присел на жалобно заскрипевшее под его немалым весом ложе рядом с Ильей. — Ты же — воин! Варяг! Пропустил удар — поднимись! И дерись! Ты ж моего рода! Ты жив! Не смей сдаваться!

— А что мне такая жизнь, батюшка... — тусклым голосом пробормотал Илья.

Он устал. Он держался, сколько мог. Он боролся с болью, пока была боль... Теперь боли почти не осталось, и бороться стало не с чем. И не с кем. Он — калека. На всю жизнь. Хочется надеяться, что недолгую.

— Какой я теперь воин, батюшка. Что за воин — без ног?

— А воин — это не ноги, — строго произнес Духарев. — И не руки. Воин — это дух воинский. Вот здесь! — Сергей Иванович чувствительно ткнул кулаком Илью в грудь. — И здесь! — Твердый, как